

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ОМСКЕ ПО ДЕЛУ «ОРГАНИЗАЦИИ АРТАМОНОВА» В 1937 г.

В статье на основе анализа материалов дела «организации Артамонова» реконструирован обобщенный социальный портрет жителей Омской области, подвергшихся массовым политическим репрессиям в годы Большого террора за принадлежность в период Гражданской войны к командному составу Белой армии. Теоретическая основа исследования — сочетание антропологического подхода, просопографического, сравнительно-исторического, историко-генетического и статистического методов. Цель работы — в контексте исторических условий Омского региона проанализировать типичные социальные характеристики представителей бывшего офицерства, ставших в годы Большого террора жертвами массовых политических репрессий. В заключение оценены информационные потенциалы исторических источников и обозначены дальнейшие перспективы разработки тематики политических массовых репрессий в отношении бывших белогвардейцев.

Ключевые слова: историческая антропология, офицеры, Гражданская война в России, Белая армия, Большой террор, политические репрессии, Омск.

Постановка проблемы. Изучение событий Большого террора входит в число актуальных проблем современной российской историографии. В текущее десятилетие аспектом, весьма часто привлекающим внимание историков, стала просопография репрессий. Первоисточником здесь выступают архивные уголовные (следственные) дела. Но для реконструкции коллективных социальных портретов жертв Большого террора исследователи нередко используют такие массовые и более доступные источники, как региональные книги памяти. Созданные на их основе позднее сетевые базы данных аккумулируют персонифицированную информацию из мартирологов, давая возможность ее ускоренного автоматизированного поиска и анализа. Специалисты выработали методику подобных исследований [1–6], уже проанализировав отдельные региональные сюжеты просопографии репрессий [7–11].

Но подобный опыт пока не применялся при изучении событий Большого террора в Омской области, где Гражданская война значительно повлияла на советскую карательную политику в отношении представителей «исторической контрреволюции». Первая советская власть в регионе пала летом 1918 г. из-за успешных действий офицерского антибольшевистского подполья [12, с. 25–96; 13]. Затем до середины ноября 1919 г. Омск являлся военным и административным центром белой России. Эти обстоятельства в 1920–1930-е гг. учитывались в оперативных разработках советских органов безопасности региона. Активные мероприятия по нейтрализации очевидных и потенциальных «врагов

революции» начались вслед за восстановлением в городе большевистских порядков [14–15]. В начале 1930-х гг. «белогвардейское прошлое» вновь стало в Западной Сибири одним из «лейтмотивов» карательной политики коммунистического государства в отношении «бывших людей» [16, с. 186–201; 17, с. 126–163]. Вплоть до начала Великой Отечественной войны (когда Омск стал режимным (закрытым) городом) об особенной «контрреволюционной» атмосфере Омска и обилии здесь «антисоветского элемента» указывали местные чекисты [18, л. 2, 11 об.].

Дискуссия: историография и источники. В годы Большого террора одним из крупных процессов в Омске стало фабрикованное дело «организации Артамонова». По «версии» следствия «целью» создания этого антисоветского подпольного формирования, восстановленного в Западной Сибири после «разгрома» в 1933 г., являлось свержение советской власти при нападении на СССР Японии, а также осуществление диверсий в тылу РККА. «Координировал» контрреволюционную работу 65-летний Н. Н. Артамонов — бывший генерал-майор, военный финансист «старой» и Белой армии, отставной военспец РККА [19]. Ядро «организации» составляли бывшие офицеры и военные чиновники Белой армии. В историографии этот локальный сюжет изучен лишь обзорно [17, с. 134, 137–138; 20, с. 28–36]. Актуальность нашей работы связана с расширением представлений о данном эпизоде Большого террора в Западной Сибири. Стоит учесть, что Омск в 1920–1930-е гг. входил в число городов за Уралом, где был весьма велик процент

бывших белогвардейцев с немалой долей среди них представителей офицерства. Причем эти люди занимали, подчас, видные административные должности, обладая, подчас, весомым авторитетом в общественной среде [21]. По оценкам омских чекистов в 1927 г. каждый 150-й омич, имея чин от юнкера до генерала, служил в годы Гражданской войны в Белой армии [22, с. 1130].

В историографии есть противоречия о количестве фигурантов дела «организации Артамонова», при том, что все перечисленные далее труды, опираются на первоисточник — судебно-следственную документацию. Так, справочно-информационное издание «Забвению не подлежит» [23] (далее — книга памяти) содержит имена 88 мужчин, приговоренных по политическим мотивам к высшей мере наказания, расстрелянных в 1937 г. в Омске, в 1957 г. полностью реабилитированных. Все они проходят по одному архивному уголовному делу [24] (о чем в книге памяти есть отметка в конце поисковой статьи о каждом из этих лиц). Ту же цифру указывает омский историк В. М. Самосудов, но не давая каких-либо уточнений [20, с. 28]. Исследователи истории спецслужб В. П. Василевский и А. В. Сушко приводят данные о том, что по делу «организации Артамонова» арестовали 84 человека, из них 83 — расстреляли, а одного подследственного (предполагаемый агент НКВД) отпустили [17, с. 138].

В книге памяти упоминаний об этом человеке нет, хотя издание содержит немало примеров тех персоналий, кто в годы Большого террора был

арестован органами НКВД, но затем в течение нескольких месяцев освобожден за недоказанностью обвинения.

Ключевым источником в нашем исследовании стали поисковые статьи из книги памяти о 88 фигурантах дела «организации Артамонова». Вспомогательную роль сыграли опубликованные биографии и справочные материалы. На их основе типичные социальные характеристики указанных жертв массовых политических репрессий были выделены и обобщены.

Сравнительный анализ социального состава фигурантов дела «организации Артамонова» по месту рождения, месту проживания на момент ареста, национальному признаку, армейскому прошлому и характеру занятий на 1937 г. Фигуранты процесса по возрасту на момент ареста представлены в таблицах по условным группам, исходя из традиционного в социологических исследованиях деления на десятилетия.

Как видно, по делу фактически проходили представители двух поколений, а именно лица, родившиеся в 1862–1900 гг. (каковым на момент репрессий было от 37 до 75 лет). Но преобладали среди них родившиеся в 1877–1896 гг. (табл. 1, 2) — та часть мужского населения, которая в период Первой мировой и Гражданской войн (будучи тогда в возрасте 20–40 лет) стала социальным ядром для формирования командно-административного корпуса армии (это касалось как кадровых офицеров, так и подготовленных в военное время).

Таблица 1

Состав фигурантов дела по месту рождения

Годы рождения	Возраст, лет	Уроженцы			ИТОГО, чел.
		Омска	Омской области	Других регионов	
1897–1900	37–40	–	3	9	12
1887–1896	41–50	11	1	30	42
1877–1886	51–60	3	1	18	22
1867–1876	61–70	1	–	5	6
1862–1866	71–75	2	–	4	6
ВСЕГО, чел.		17	5	66	88

Таблица 2

Состав фигурантов дела по месту проживания на момент ареста

Годы рождения	Возраст, лет	Место проживания на момент ареста				ИТОГО, чел.
		Омск	Тара	Омская область	Ишим	
1897–1900	37–40	11	–	–	–	11
1887–1896	41–50	41	–	2 ¹	–	43
1877–1886	51–60	18	2	1 ²	1	22
1867–1876	61–70	4	1	1 ³	–	6
1862–1866	71–75	5	1	–	–	6
ВСЕГО, чел.		78	4	5	1	88

¹ Жители совхоза № 239 Омского района и села Изылбаш Черлакского района;

² Житель села Петровка Ишимского района (ныне Тюменская область);

³ Житель села Екатеринославка Тарского района.

События эпохи социальных катаклизмов 1914–1922 гг. для населения послужили причиной социальной мобильности (иногда вынужденной). Подчас люди оказывались весьма далеко от родных мест, нередко к подобным перемещениям приводили обстоятельства военной службы [25]. В частности, уроженцами других регионов являлись две трети фигурантов дела «организации Артамонова» (табл. 1).

События Революции и Гражданской войны окончательно упразднили все существовавшие ранее в Русской армии формальные ограничения для производства в офицеры (в том числе по национальному признаку) [26]. Но «великороссы» преобладали в командно-административном составе Белой армии на востоке России [27, с. 59, 61]. Это явление имело место здесь даже несмотря на наличие национальных воинских формирований. Другой особенностью колчаковской армии был «умеренный антисемитизм» (например, по сравнению с югом России и денкинской армией), в результате чего число офицеров-евреев в белой Сибири было весьма невелико [28]. Соответственно, по фигурантам дела «организации Артамонова» мы видим аналогичную тенденцию: 79 из 88 арестованных (90 % от общего количества) идентифицировали себя как русские. Представители других (в том числе достаточно крупных) национальных диаспор, существовавших в первой трети XX в. в Омском регионе, среди фигурантов дела в буквальном смысле единичны.

В следственных материалах (в том числе в обвинительном заключении) «организация Артамонова» неоднократно проходит с формулировкой «контрреволюционная офицерская/белогвардейская повстанческая», «являвшаяся восстановленной»

после «разгрома» в 1933 г. «на основе осевшего в Омске и Омской области белогвардейского офицерства» [20, с. 28–29]. Если в конце 1920-х гг. в Омске проживало порядка 1200 бывших белых офицеров, то к 1937 г. эта категория населения региона стала менее многочисленной. Сказались естественные демографические процессы (прежде всего, миграция и смертность), а также начавшиеся массовые политические репрессии (не менее 296 омичей в 1933 г. получили сроки заключения по делу о «Белогвардейском заговоре» [16, с. 197], а число вынесенных расстрельных приговоров еще требует уточнения). Тем не менее обращение к анализу социального состава фигурантов дела «организации Артамонова» (табл. 3) показывает, что бывших офицеров и военных чиновников «старой» и Белой армии среди омичей оставалось еще немало.

Но с целью выявления данного рода информации в отношении жертв Большого террора вряд ли стоит обращаться к мартирологам. В частности, в книге памяти практически нет сведений о принадлежности фигурантов «дела Артамонова» к офицерству, их службе в Белой армии. Упомянут как «бывший генерал-майор» сам «глава организации» и указан как «бывший полковник царской армии» один из его «первых помощников» — Н. В. Бобов [23, Т. 1, с. 200, с. 121, 292]. Обращение к справочным изданиям [29] и историографии [20, с. 28–36] позволило установить факт службы в Белой армии большинства (порядка 70 %) арестованных по делу «организации Артамонова»: 52 чел. в статусе офицера, 10 чел. — в статусе военных чиновников (табл. 3) (допускаем, что истинный показатель может быть несколько выше). Все они служили в сухопутных войсках. Значительная часть этих людей (40 обер-офицеров) получила производство

Таблица 3

Служебная иерархия фигурантов дела в Белой армии

Армейский чин	Годы рождения / возраст, лет					ИТОГО, чел.
	1897–1900 / 37–40	1887–1896 / 41–50	1877–1886 / 51–60	1867–1876 / 61–70	1862–1866 / 71–75	
Генерал-майоры	–	–	–	1	1	2
Полковники	–	–	1	–	3	4
Подполковники	–	–	1	2	–	3
Капитаны	–	–	1	–	–	1
Штабс-капитаны	–	5	1	–	–	6
Поручики	1	5	–	–	–	6
Подпоручики / хорунжие	3 / –	5 / 3	3 / –	–	–	11/3
Прапорщики	2	9	3	–	–	14
Портупей – юнкеры	1	–	–	–	–	1
Подпрапорщики	–	1	–	–	–	1
Коллежские асессоры	–	1	2	–	–	3
Титулярные советники	–	1	–	–	–	1
Чиновники военного времени	–	1	5	–	–	6
Не установлен точно ¹	–	1	–	–	–	1
Не установлен вообще	5	10	5	3	2	25
ВСЕГО, чел.	12	42	22	6	6	88

¹ Бухман Сергей Николаевич имел офицерский чин, но не известно, какой именно.

Характер трудовой занятости фигурантов дела на момент ареста

Профессия	Годы рождения / возраст, лет					ИТОГО, чел.
	1897 – 1900 / 37 – 40	1887 – 1896 / 41 – 50	1877 – 1886 / 51 – 60	1867 – 1876 / 61 – 70	1862 – 1866 / 71 – 75	
Бухгалтеры	3	16	8	1	–	28
Педагоги	1	5	2	1	1	10
Малоквалифицированные рабочие	2	1	3	–	1	7
Административные работники	2	4	–	–	–	6
Инженеры	–	4	2	–	–	6
Ревизоры	2	2	1	–	–	5
Юристы	–	1	1	2	–	4
Счетоводы	–	1	2	–	1	4
Агрономы	1	1	2	–	–	4
Снабженцы	1	2	–	–	–	3
Артисты театра	–	2	1	–	–	3
Музыканты	–	2	–	–	–	2
Духовенство	–	–	–	1	1	2
Иждивенцы	–	–	–	1	1	2
Художники	–	1	–	–	–	1
Пенсионеры	–	–	–	–	1	1
ВСЕГО, чел.	12	42	22	6	6	88

в чин в условиях военного времени [21]; а к кадровому составу армии относилось весьма небольшое количество фигурантов дела — главным образом лица, рожденные в 1860–1880-е гг.

Информационным недостатком архивных уголовных (следственных) дел 1930-х гг. является искажение при составлении документов такого показателя, как чины бывших офицеров, как правило, в пользу «завышения» на одну ступень. Было ли это сознательной «припиской» или стало следствием невнимательности делопроизводителя — сказать сложно. Но в итоге, нередко, спустя полтора десятка лет после окончания Гражданской войны в документах ОГПУ — НКВД штабс-капитаны «становились» капитанами, подполковники — полковниками и т.п. С неточностями встречаются и обратные ситуации, как в случае с Н. В. Бобовым, который, указан как «бывший полковник царской армии» [23, Т. 1, с. 292], который по факту являлся, в том числе, и белым офицером. В частности, в подполковники (как и затем в последующий чин) он был произведен в октябре 1918 г., состоя в должности коменданта города Омска: то есть уже служа в Белой Сибирской армии [30].

Разночтения в советских следственных документах, подобные описанным (пусть и не слишком большие), вносят неясности при проведении биографических и генеалогических реконструкций, особенно, когда речь идет о последнем чине и месте офицера в служебной иерархии в «старой» или Белой армии.

Принадлежность к офицерству в отношении 25 лиц, репрессированных по делу (28 % от общего количества), не установлена (табл. 3). При этом известно, что ряд фигурантов, которым следствие

«установило» видные руководящие роли в составе подполья, в принципе являлись сугубо штатскими лицами. Например, экс-директор канцелярии колчаковского МВД Н. И. Бевад, священники П. И. Игнатьев и А. С. Журавлёв [23, Т. 1, с. 225; Т. 3, с. 277, 408] и др. Этим гражданам в «организации» отводились координационные и духовно-пропагандистские функции [20, с. 31–32].

Подавляющее количество арестованных по делу проживало в Омске; сельчан из них было всего 10 чел. (табл. 2). Это явление закономерно объясняется тем, что в 1920–1930-е гг. в Омске дислоцировались крупные части РККА, в которых служило немало бывших офицеров и чиновников царской и Белой армий. Увольняясь с военной службы, многие из них оставались в качестве гражданских специалистов в уже знакомом крупном и развивающемся городе. Здесь для этих людей с достаточно высоким по меркам времени образовательным цензом и служебным опытом могли найтись достойные варианты трудоустройства, подразумевавшего административно-управленческую, интеллектуальную или творческую работу. В СССР 1920–1930-е гг. стали временем формирования бюрократического аппарата нового государства. Рост числа лиц, ставших тогда служащими, отмечался и среди бывших офицеров Белой армии, живших в Омске [21]. Количественные данные по фигурантам дела «организации Артамонова» это подтверждают, подчеркивая, что в значительной части это мероприятие Большого террора в Омске затронуло работников финансового сектора и учебных заведений (табл. 4).

Такой показатель, как образовательный ценз репрессированных лиц, детально можно проследить лишь через обращение к первоисточникам (архив-

Национальный состав фигурантов дела

Национальность	Русские	Белорусы	Украинцы	Армяне	Евреи	Латыши	Немцы	Не указано
Кол — во, чел.	79	2	2	1	1	1	1	1

ным уголовным делам либо более ранним биографическим документам). Книга памяти отражает эту информацию «избирательно»: так, лишь в отношении 11 фигурантов дела «организации Артамонова» такие сведения сообщены. В частности, трое имели высшее образование, четверо — среднее, другие четверо — неоконченное среднее [23]. Но характер труда большей части из 88 чел. (табл. 5) предполагал в качестве минимального ценза для занятия должности общее среднее образование. А, к примеру, работа инженеров и педагогов вузов, соответственно, требовала высшего профильного образования.

Исходя из особенностей военной специальности и рода войск в Русской (императорской) армии, как правило, высокой являлась интеллектуальная подготовка обер- и штаб-офицеров артиллерии, инженерных войск, топографической службы. Наличие профильного образования при условии должных деловых качеств были ключевыми формальными факторами, традиционно учитываемыми при назначении на армейские офицерские вакансии [31–32].

Но при этом занятость на момент ареста в качестве неквалифицированного сотрудника даже для образованного человека в 1930-е гг. могла иметь место, будучи временной или вынужденной мерой. Потеря стабильной престижной работы для многих бывших белогвардейцев на рубеже 1920–1930-х гг. нередко становилась последствием первой стадии политических притеснений — лишения избирательных прав и кадровых чисток, проводившихся по классовому принципу [33–34]. Подчеркнем, что в Омске в начальной стадии этих процессов — к середине 1927 г. — в числе лишенцев оказался 1131 бывший офицер и военный чиновник. Из них 357 чел. (32 % от общего количества) были вскоре восстановлены в правах [22, с. 1130]. Но это, как правило, не спасло их от дальнейших злосудных.

Аресты и осуждения по делу «организации Артамонова» в статистических оценках. В поисковые статьи, помещенные в мартирологи жертв политических репрессий, включены сведения о дате ареста, характере и дате вынесения приговора, дате его приведения в исполнение. Обобщение этой информации позволяет сделать выводы о ходе репрессивного процесса в отношении «организации Артамонова». Но, предвзято этот анализ, отметим, что книги памяти и их сетевые всероссийские аналоги содержат данные о предшествовавших репрессиях по политическому признаку.

Такая информация выявлена применительно к рассматриваемому случаю об 11 чел. Из них двоих в 1920 г. арестовывали, в итоге отпустили (Н. И. Бевад и бывший подпоручик И. В. Носов). Один (И. П. Свертохин) был раскулачен в 1930 г. Трех задерживали в 1931 г.: двоих осудили к трем и пяти годам заключения (бывший штабс-капитан А. Н. Андреев, бывший подполковник А. И. Родионов), одного отпустили (штабс-капитан Е. С. Седышев). Четверых осудили в 1933 г.: одного к высылке (Н. Д. Богданов), троих к пяти годам заключения (бывший прапорщик И. И. Ванькевич, бывший поручик Н. М. Морозов, бывший титулярный совет-

ник Н. И. Степанов). Один был осужден в 1934 г. к трем годам заключения (бывший прапорщик И. Н. Захаров) [23].

Из упомянутых граждан обращают на себя внимание лица, незадолго до повторного ареста в 1937 г. вернувшиеся из мест заключения. Это осужденные в 1933 г. к отбыванию срока в исправительно-трудом лагере фигуранты «Белогвардейского заговора» — громкого репрессивного процесса в отношении «бывших людей» (в том числе представителей офицерства), живших в Западной Сибири [16, с. 186–201].

Но поиск сведений о предыдущих политических преследованиях все же следует вести, обращаясь или к архивному уголовному (следственному) делу, или к опубликованным биографическим исследованиям. В данном случае несостоятельность мартирологов и их сетевых версий в том, что далеко не всегда в поисковые статьи в полном объеме включались указанные сведения об арестах и пребывании в заключении. Как минимум, в трех случаях это подтверждается в отношении фигурантов дела «организации Артамонова». В частности, в 1920 г. арестовывались и состояли под следствием «за службу в Белой армии» военспецы, бывшие генералы Н. Н. Артамонов и Н. Е. Варакин. В 1931 г. арестовывали бывшего капитана М. М. Поспеева. Причем двух последних арестовали в Омске [19; 35; 36].

Вероятно, такие прецеденты вполне могли присутствовать и в судьбах других фигурантов изучаемого дела. Основанием «непопадания» сведений в книгу памяти, вероятно, следует считать то, что архивные уголовные (следственные) дела по отдельным эпизодам до 1937 г. сохранились не в полном объеме, в связи с этим их фигуранты не оказались в поле зрения составителей книг памяти в период массовых реабилитаций жертв политических репрессий.

Задержания по делу «организации Артамонова» начались 12 марта 1937 г. и продлились более полугода. Первым арестовали главного бухгалтера областной конторы «Госсортфонд», бывшего поручика Белой армии Н. Ф. Чеснокова [23, т. 8, с. 376; 29, с. 374]. До июля 1937 г. аресты носили единственный характер. За июль арестовали всего 20 чел., в их числе «главу организации» Н. Н. Артамонова. Пик задержаний пришелся на сентябрь (всего, 49 чел., из них 10 чел. — максимум человек в день — арестовали 14 сентября). Последним по делу 4 октября 1937 г. арестовали художника, бывшего прапорщика Белой армии М. М. Орешникова [21, т. 6, с. 168; 29, с. 245] (табл. 6).

Тройка при УНКВД по Омской области, осудив 88 задержанных по делу по трем пунктам 58-й статьи УК РСФСР, приговорила всех их к высшей мере наказания. «По версии» следствия большая часть этих людей «занималась» пропагандой, призывая к свержению советского строя и «готовя» контрреволюционные преступления. Согласно книге памяти (табл. 7), приговоры выносили в коллективном порядке в течение двух месяцев с интервалом

Таблица 6

Календарная динамика арестов по делу

Дата ареста	Кол-во, чел.	Дата ареста	Кол-во, чел.
12 марта	1	5 августа	1
29 марта	1	7 августа	1
30 марта	1	9 августа	1
22 апреля	1	23 августа	1
25 июня	1	27 августа	2
3 июля	1	2 сентября	1
10 июля	2	4 сентября	2
15 июля	1	5 сентября	2
18 июля	1	9 сентября	1
21 июля	1	10 сентября	1
22 июля	1	11 сентября	9
25 июля	2	12 сентября	7
27 июля	1	13 сентября	8
28 июля	2	14 сентября	10
29 июля	3	15 сентября	2
30 июля	4	16 сентября	3
31 июля	1	21 сентября	2
1 августа	3	29 сентября	1
3 августа	1	4 октября	1
4 августа	2	11 октября	1

ровно четыре недели, но значительную часть фигурантов дела, осудив 25 октября 1937 г., расстреляли 28 октября (в их числе «главу организации» Н. Н. Артамонова). В ноябре 1956 г. все 88 чел. были реабилитированы Омским областным судом за отсутствием состава преступления и недоказанностью обвинений.

Выводы. В историографии сложилось критичное отношение к книгам памяти жертв политических репрессий, как к источникам, содержащим

(в силу своего ключевого назначения) лишь схематичную, краткую, а иногда неполную информацию. Но на рассмотренном примере можно убедиться, что ряд базовых параметров, важных для социальной истории, может быть восстановлен репрезентативно именно благодаря характерной «шаблонности», присущей этому источнику. Хотя, безусловно, наиболее полным информационным ресурсом для коллективного социального портрета бывших белоохранцев, репрессированных в период Большого террора, являются архивные уголовные (следственные) дела (к примеру, по части армейской службы в военно-революционный период 1914–1922 гг.), максимальная полнота картины может быть лишь достигнута при сопоставлении сведений из иных научно-справочных изданий и биографических исследований. Как минимум, такова общая ситуация с Омском. Из проделанного исследования вытекает, что в массе своей фигуранты дела «организации Артамонова» — это жители Омска, 40–50 лет, служащие, уроженцы иных местностей, в годы Гражданской войны, служившие в Белой армии в чине обер-офицера.

Дискуссионной составляющей остается вопрос о численном «масштабе» «организации Артамонова». Нами проанализированы сведения только в отношении лиц, проходивших по ключевому архивному уголовному делу (какое видится таковым по признаку наличия материалов в отношении «главы организации»).

Историк В. М. Самосудов говорит о ряде бывших белоохранцев (жителей Омска и Тары), упомянутых (подчас не раз), как члены «организации Артамонова», в следственных материалах названного дела [20, с. 28–36]. Но эти люди стали фигурантами другого аналогичного процесса [35], который имел место в Омской области в то же самое время и затронул 69 чел. (в массе представителей бывшего офицерства). В связи с этим проделанное исследование, обретя логическое продолжение, может дать ряд содержательных обобщений, позволяющих, благодаря методикам просопографии, более полно оценить региональные процессы Большого террора с позиций социальной истории и краеведения.

Таблица 7

Статистика осуждения фигурантов дела по 58-й статье УК РСФСР и приведения вынесенных приговоров в исполнение

Основание, пункты статьи	Дата вынесения приговора			ИТОГО, чел.	Дата приведения приговора в исполнение		ИТОГО, чел.
	25 сентября	25 октября	25 ноября		28 октября	1 ноября	
2 ¹ , 10 ² , 11 ³	—	3	1	4	3	1	4
10	—	1	1	2	1	1	2
10, 11	3	77	1	80	77	3	80
Без ссылки на закон	—	2	—	2	2	—	2
Всего, чел.	3	82	3 ⁴	88 ⁵	83	5	88 ⁵

Характер предъявленных обвинений:

¹ Вооружённое восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от СССР любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть;

² Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений;

³ Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений;

⁴ Приговор вынесен фактически «после расстрела» [23, Т. 3, с. 277, 408, Т. 4, с. 400]. Но по мартирологу неясно: произошло ли это из-за нарушения процессуальных норм или эта информация стала следствием ошибочного внесения сведений в книгу памяти;

⁵ 87 чел. реабилитированы 29 ноября 1956 г.; 1 чел. — 9 ноября [см. подр.: 23].

1. Кириллов В. М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5. С. 71–86.
2. Лягушкина Л. А. К оценке информационного потенциала «Книги памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. Т. 2. С. 157–166.
3. Дьячков В. Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие — как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860—1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 120–126.
4. Мишина Е. М. «Книги памяти» жертв политических репрессий как исторический источник (1941–1945 гг.): анализ информационного потенциала // Cahiers du monde russe. 2021. № 4. С. 581–602. DOI: 10.4000/monderusse.12667.
5. Лягушкина Л. А. Опыт классификации социального положения репрессированных в СССР с помощью метода опорных векторов // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 128–139. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37719.
6. Мишина Е. М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 152–162. DOI: 10.17223/19988613/80/18.
7. Синиченко В. В. История Прибайкалья: «Книги памяти» жертв политических репрессий в Республике Бурятия и Иркутской области // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2008. С. 601–603.
8. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 30–43.
9. Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 3. С. 36–44.
10. Мишина Е. М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 3. С. 45–56.
11. Хабитуев Б. В., Фартусов Д. Б. Разработка архитектуры электронной Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2017. № 1. С. 27–33.
12. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: моногр. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. 610 с.
13. Шуддяков В. А. Тайные военные организации Омска в декабре 1917—начале июня 1918 гг., материалы к истории // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 61–90.
14. Стельмак М. М., Сушко А. В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. (19–20 окт. 2022 г., Омск). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2022. С. 208–215.
15. Сушко А. В. Массовые политические репрессии в 1920 г. в Омске: к оценке антисоветского заговора Драчука–Орлеанова в историографии // Омские социально-гуманитарные чтения-2023: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (22–24 марта 2023 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 130–134.
16. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.): моногр. Томск: Изд-во ТГУ, 2012. 586 с.
17. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье: моногр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 280 с.
18. Архив УФСБ России по Омской области (АУФСБОО). Ф. 87. Оп. 3. Д. 562.
19. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
20. Самосудов В. М. Записки из кровавого года. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. 168 с.
21. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. DOI: 10.17223/15617793/486/18.
22. Сушко А. В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137.
23. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области: в 11 т. Омск: Омское кн. изд-во, 2000. Т. 1. 478 с.
24. АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–5226.
25. Шишкин В. И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. С. 3–44.
26. Курдюк А. А. Об особенностях правил приема в военные училища во время Первой мировой войны // Право и образование. 2005. № 4. С. 232–245.
27. Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования: моногр. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 336 с.
28. Сушко А. В., Стельмак М. М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М. А. Новомейского Российскому правительству А. В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216.
29. «Белые офицеры — красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919–1920-е гг.): науч.-справ. изд. / авт. предисл. и отв. ред. Д. И. Петин. Омск: Амфора, 2017. 408 с.
30. Приказ Сибирской армии о военных чинах // Сибирский вестник (Омск). 1918. № 55. 29 октября. С. 1.
31. Суряев В. Н. «Нелёгкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–56.
32. Суряев В. Н. Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.
33. Саламатова М. С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.
34. Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1. С. 90–104. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-1-7.
35. Петин Д. И. Капитан М. М. Поспеев: опыт реконструкции жизненного пути кадрового офицера топографической службы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/452/17.
36. Жуклова Н. С., Петин Д. И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н. Е. Варакин (1862–1937) — совре-

менник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145.

37. АУФСБОО. Ф. 4. АУД, П–8349.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 9987-3347

AuthorID (РИНЦ): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

Для цитирования

Петин Д. И. Коллективный портрет бывших белогвардейцев, репрессированных в Омске по делу «организации Артамонова» в 1937 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 54–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-54-64.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023 г.

© Д. И. Петин

A COLLECTIVE PORTRAIT OF THE EX-WHITE GUARDS REPRESSED IN OMSK IN THE CASE OF THE «ARTAMONOV'S ORGANIZATION» IN 1937

The article, based on an analysis of materials from the case of «Artamonov's organization», reconstructs a generalized social portrait of residents of the Omsk region who were subjected to massive political repression during the years of the Great Terror for belonging to the command staff of the White Army during the Civil War. The theoretical basis of the study is a combination of anthropological approach, prosopographical, comparative-historical, historical-genetic and statistical methods. The purpose of the work is to analyze, in the context of the historical conditions of the Omsk region, the typical social characteristics of representatives of the former officers who became victims of mass political repression during the years of the Great Terror. In conclusion, the information potential of historical sources is assessed and further prospects for developing the topic of political mass repressions against former White Guards are outlined.

Keywords: historical anthropology, officers, Civil War in Russia, White Army, Great Terror, political repressions, Omsk.

References

1. Kirillov V. M. Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressiy: istoriografiya i metodologiya [Books in Memory of Victims of Political Repressions: Historiography and Methodology] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. *Historical Journal: Scientific Research*. 2011. No. 5. P. 71–86. (In Russ.).
2. Lyagushkina L. A. K otsenke informatsionnogo potentsiala «Knig pamyati» v sravnenii so sledstvennymi delami zhertv «Bol'shogo terrora» [On the assessment of the information potential of the «Books of Memory» in comparison with the investigative cases of the victims of the «Great Terror»] // Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya. *Historical Journal: Scientific Research*. 2014. Vol. 2. P. 157–166. (In Russ.).
3. D'yachkov V. L. «Nashi mertvyie nas ne ostavyat v bede, nashi pavshiye — kak chasovyye...»: Knigi pamyati kak istochnik v izuchenii sotsial'noy istorii Rossii 1860–1930–kh gg. [«Our dead will not leave us in trouble, our fallen — like sentries ...»: Books of memory as a source in the study of the social history of Russia in the 1860s–1930s] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2015. No. 2. P. 120–126. (In Russ.).
4. Mishina E. M. «Knigi pamyati» zhertv politicheskikh repressiy kak istoricheskiy istochnik (1941–1945 gg.): analiz informatsionnogo potentsiala [«Books of memory» of victims of political repression as a historical source (1941–1945): analysis of information potential] // Cahiers du monde Russe. *Cahiers Du Monde Russe*. 2021. No. 4. P. 581–602. DOI: 10.4000/monderusse.12667. (In Russ.).
5. Lyagushkina L. A. Opyt klassifikatsii sotsial'nogo polozheniya repressirovannykh v SSSR s pomoshch'yu metoda opornykh vektorov [The experience of classifying the social position of the repressed in the USSR using the support vector method] // Istoricheskaya informatika. *Historical Informatics*. 2022. No. 1. P. 128–139. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37719. (In Russ.).
6. Mishina E. M. «Knigi pamyati» zhertv politicheskikh repressiy v SSSR kak istochnik dlya rekonstruktsii sotsial'nogo portreta repressirovannykh v 1935–1937 gg.: analiz polnoty i reprezentativnosti dannykh [Analysis of Completeness and Representativeness of Data of Political Terror Victims «Books of Memory» as a Source for Reconstruction of Social Profile of Political Terror Victims in 1935–1937] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Istoriya. Tomsk State University Journal of History*. 2022. No. 80. P. 152–162. DOI: 10.17223/19988613/80/18. (In Russ.).
7. Sinichenko V. V. Istoriya Pribaykal'ya: «Knigi pamyati» zhertv politicheskikh repressiy v Respublike Buryatiya i Irkutskoy oblasti [History of the Baikal region: «Books of memory» of victims of political repressions in the Republic of Buryatia and the Irkutsk region] // Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 2008. P. 601–603. (In Russ.).
8. Lyagushkina L. A. Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): analiz bazy dannykh po knigam pamyati Nizhegorodskoy oblasti [Social portrait of the repressed during the Great Terror (1937–1938): analysis of the database on the memory books of the Nizhny Novgorod region] // Istoricheskaya informatika. *Historical Informatics*. 2012. No. 1. P. 30–43. (In Russ.).
9. Lyagushkina L. A. Sotsial'nyye kharakteristiki repressirovannykh v gody Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.) v Karel'skoy ASSR [Social characteristics of the repressed during the years of the Great Terror (1937–1938) in the Karelian ASSR] // Vestnik Permskogo universiteta. *Istoriya. Perm University Herald. History*. 2014. Issue. 3. P. 36–44. (In Russ.).
10. Mishina E. M. Sotsial'nyye kharakteristiki repressirovannykh na Altaye v 1935–1937 gg.: analiz bazy dannykh i arkhivnykh materialov [Social features of the terror victims in Altai Region, 1935–1937: analysis of database and

archive materials] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. Perm University Herald. History. 2014. No. 3. P. 45–56. (In Russ.).

11. Khabituyev B. V., Fartusov D. B. Razrabotka arkhitektury elektronnoy Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressiy po Respublike Buryatiya [Development of the architecture of the electronic book in memory of the victims of political repressions in the Republic of Buryatia] // Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv. Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts. 2017. No. 1. P. 27–33. (In Russ.).

12. Simonov D. G. Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu [The White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk, 2010. 610 p. (In Russ.).

13. Shuldyakov V. A. Taynyye voyennyye organizatsii Omska v dekabre 1917–nachale iyunya 1918 gg., materialy k istorii [The secret military organizations of Omsk in december 1917–the beginning of june 1918: materials to history] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. News of the Omsk State Museum of History and Local Lore. 2018. No. 21. P. 61–90. (In Russ.).

14. Stelmak M. M., Sushko A. V. «Rasstrel vragov revolyutsii»: k voprosu o karatel'noy politike sovetskogo gosudarstva v otnoshenii byvshikh belogvardeytssev v Omske v 1920 g. [«Shooting enemies of the revolution»: on the question of the punitive policy of the Soviet state against former White Guards in Omsk in 1920] // Deyatel'nost' otechestvennykh spetssluzhbb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov. Activities of Domestic Special Services in the Era of Social Cataclysms. Omsk, 2022. P. 208–215. (In Russ.).

15. Sushko A. V. Massovyye politicheskiye repressii v 1920 g. v Omske: k otsenke antisovetskogo zagovora Drachuka–Orleanova v istoriografii [Mass political repressions in 1920 in Omsk: on the assessment of the anti-Soviet conspiracy Drachuk-Orleanov in historiography] // Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya–2023. Omsk Social and Humanitarian Readings–2023. Omsk, 2023. P. 130–134. (In Russ.).

16. Uymanov V. N. Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskiye repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.) [Liquidation and rehabilitation: political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (end of 1919–1941)]. Tomsk, 2012. 586 p. (In Russ.).

17. Vasilevskiy V. P., Sushko A. V. «Strazhi revolyutsii»: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'ye [«Guards of the Revolution»: organs of GPU–OGPU in Omsk Irtysh Region]. Omsk, 2017. 277 p. (In Russ.).

18. Arkhiv UFSB Rossii po Omskoy oblasti (AUFSSBOO) [Archive of the FSB of Russia for the Omsk region (AFSBROR)]. File: 87/3/562. (In Russ.).

19. Petin D. I., Kaminskiy V. V. General-mayor Genshtaba N. N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N. N. Artamonov (1872–1937): biography through the prism of new sources] // Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist. 2017. No. 3. P. 274–300. (In Russ.).

20. Samosudov V. M. Zapiski iz krovavogo goda [Notes from the bloody year]. Omsk, 2000. 168 p. (In Russ.).

21. Petin D. I., Stelmak M. M., Sushko A. V. «Zolotopogonniki» v sovetskoy Rossii: kolektivnyy sotsial'nyy portret byvshikh belykh ofitserov v 1920-e gg. (na primere Omska) [«Gold chasers» in Soviet Russia: a collective social portrait of former White officers in the 1920s (on the example of Omsk)] // Vestnik Tomsko go gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal. 2020. No. 467. P. 165–175. DOI: 10.17223/15617793/486/18 (In Russ.).

22. Sushko A. V. Antisovetskiye organizatsii i gruppy v Omskom okruge v 1927 g.: soobshcheniye Omskogo okruzhnogo otdela OGPU mestnomu partiynomu rukovodstvu [Anti-Soviet Organizations and Groups in the Omsk Region in 1927: Report of the Omsk Regional OGPU Department to Local Party Leadership] // Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist. 2022. No. 4. P. 1125–1137. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1125-1137 (In Russ.).

23. Zabveniyu ne podlezhit. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t [Not to be forgotten. Book of Memory of victims of political repressions in the Omsk region. In 11 vols.]. Omsk, 2000. Vol. 1. 478 p. (In Russ.).

24. AUFSSBOO [AFSBROR]. File: 4/P–5226. (In Russ.).

25. Shishkin V. I. Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v XX veke: teoretiko-metodologicheskiye podkhody i istoriograficheskiye rezul'taty izucheniya [Political adaptation of the population of Siberia in the XX century: theoretical and methodological approaches and historiographic results of the study] // Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka. Political Adaptation of the Population of Siberia in the First Third of the XX Century. Novosibirsk, 2015. P. 3–44. (In Russ.).

26. Kurdyuk A. A. Ob osobennostyakh pravil priyema v voyennyye uchilishcha vo vremya Pervoy mirovoy voyny [On the peculiarities of the rules for admission to military schools during the First World War] // Pravo i obrazovaniye. Law and Education. 2005. No. 4. P. 232–245. (In Russ.).

27. Volkov E. V. Kolchakovskiy ofitser: opyt istoricheskogo issledovaniya [Kolchak officers: experience of historical research]. Chelyabinsk, 2001. 336 p. (In Russ.).

28. Sushko A. V., Stelmak M. M. «...Evreystvo Sibiri i Urala s trevogoy zhdet otveta»: dokladnaya zapiska M. A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A. V. Kolchaka (may 1919 g.) [«...The Jewry of Siberia and the Urals anxiously awaits an answer»: a report by M. A. Novomeysky to Russian government of A. V. Kolchak (may 1919)] // Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia. 2021. Vol. 11, no. 2. P. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216. (In Russ.).

29. «Belyye ofitsery — krasnaya vlast'»: imennoy ukazatel' k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919–1920-e gg.) [«White officers — red power»: a nominal index to the funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919–1920s)]. Omsk, 2017. 406 p. (In Russ.).

30. Prikaz Sibirskoy armii o voyennykh chinakh [Order of the Siberian Army on military ranks] // Sibirskiy vestnik (Omsk). Sibirskiy Vestnik (Omsk). 1918. No. 55. October 29. P. 1. (In Russ.).

31. Suryayev V. N. «Nelegkoye sluzhebnoye dvizheniye armeyskogo ofitserstva». Chinoproizvodstvo i prokhozheniye sluzhby ofitserami russkoy armii nakanune Pervoy mirovoy voyny [«The hard service career of army officers». Officers' promotion in rank and service career in the Russian army on the eve of World War I] // Voenno-istoricheskiy zhurnal. Military Historical Journal. 2014. No. 9. P. 50–56. (In Russ.).

32. Suryayev V. N. Komplektovaniye korpusa ofitserov russkoy armii: obrazovatel'nyy tsenz (1900–1914 gg.) [Staffing of Russian Army Officers: Education Qualification (1900–1914)] // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. Humanitarian and Law Research. 2017. No. 1. P. 114–122. (In Russ.).

33. Salamatova M. S. «Luchshe by rasstreljali menya srazu...»: sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom krae (1921–1929 gg.) [«It would have been better if they shot me right away...»: the fate of the officers of white armies in Siberian region (1921–1929)] // Tyumenskiy istoricheskiy sbornik. Tyumen History Collection. 2015. No. XVII. P. 214–228. (In Russ.).

34. Petin D. I. Uvol'neniye byvshikh ofitserov v khode chistok sovetskikh uchrezhdeniy 1928–1929 godov (na primere okruzhnykh finansovykh otdelov Sibiri) [Dismissal of Ex-Officers during the Purges of Soviet Institutions 1928–1929 (On the Example of the District Financial Departments of Siberia)] // Istoricheskiy kur'yer. Historical Courier. 2023. No. 1. P. 90–104. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-1-7. (In Russ.).

35. Petin D. I. Kapitan M. M. Pospayev: opyt rekonstruktsii zhiznennogo puti kadrovogo ofitsera topograficheskoy sluzhby [Captain Mikhail Pospayev: An Experience of a Reconstruction of the Life Path of a Topographical Officer] // Vestnik Tomsko gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal. 2020. No. 452. P. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/452/17. (In Russ.).

36. Zhukova N. S., Petin D. I. Voyennyi inzhener i pedagog general-mayor N. Ye. Varaksin (1862–1937) — sovremennik tragicheskogo veka [Military Engineer and Teacher General-Mayor N. E. Varaksin (1862–1937) — the Contemporary of the Tragic Age] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2018. No. 4. P. 137–145. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.4.137-145. (In Russ.).

37. AUFSBOO [AFSBROR]. File: 4/P–8349. (In Russ.).

PETIN Dmitriy Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: dimario86@rambler.ru

For citations

Petin D. I. A collective portrait of the ex-White Guards repressed in Omsk in the case of the «Artamonov's organization» in 1937 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 54–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-54-64.

Received July 15, 2023

© D. I. Petin